

языке категории состояния, но отметил также, что она получила в этом языке более слабое выражение, чем, например, в русском, и объяснил это, сославшись на Милетича, тем, что болгарские глаголы совмещают в себе значения действия и состояния.

Дискуссия в основном развернулась по двум вопросам: по вопросу о категории определенности и неопределенности в болгарском языке и по вопросу о выражении «надежных отношений» в болгарском языке. Крайнюю позицию по первому вопросу заняла В. В. Бородич—автор соответствующего раздела предполагаемой книги,— которая считает категорию определенности и неопределенности очень продуктивной в болгарском языке, охватывающей всю грамматическую систему (и имя, и глагол, и прилагательное, и наречие). Сохранение форм аориста, наряду с формами перфекта, в болгарском языке в отличие от русского, например, объясняется В. В. Бородич именно развитием категории определенности и неопределенности. Пересказывательные формы рассматриваются также как известный этап в развитии этой категории.

Ю. С. Маслов, указав на закономерность постановки вопроса в отношении неопределенного члена, отметил полную необоснованность точки зрения В. В. Бородич, подчиняющей всю грамматическую систему болгарского языка борьбе двух начал: определенности и неопределенности. В результате обсуждения этого вопроса авторскому коллективу было предложено снять из проспекта формулировку и терминологию, предпрещающую какое-либо определенное решение предполагаемого исследования значения глагольных форм в болгарском языке.

При обсуждении вопроса о предложениях выявилось различие во взглядах на количество надежных форм в болгарском языке и на возможность переноса надежных форм местоимений на существительные. В ответном слове Е. В. Чешко заявила, что остается на занятых ею позициях. Она подчеркнула, что для признания падежа в качестве морфологической категории существительного достаточно наличия падежей в местоимении, поскольку обе эти части речи в плане синтаксическом ничем не отличаются и выступают в тех же самых функциях.

Третий доклад «Проблемы классификации болгарского глагола» был прочитан канд. филол. наук Ю. С. М а с л о в ы м. Он указал на необходимость исторического подхода к классификации болгарского глагола, поскольку морфологическое членение грамматических форм в разные эпохи будет производиться по-разному. Используя работы русских лингвистов (Богородицкого, Бодуэна де Куртенэ и др.), докладчик сформулировал общие принципы морфологического членения. Опираясь на них, он дал новую интерпретацию трех спряжений в болгарском языке. Он справедливо усмотрел принципиальное различие, существующее между так называемым третьим, «новым», как он условно его назвал, спряжением, с одной стороны, и первым и вторым, «старым» спряжением — с другой. Это противопоставление проявляется как в строевании основ, так и во флексиях. В «новом» спряжении все без исключения формы одного глагола образуются от одной и той же основы, всегда оканчивающейся на *a*; в «старых» спряжениях формы каждого глагола образуются от двух разных основ, настоящего времени и аориста. Внутри «нового» спряжения нет никаких дальнейших подразделений; внутри каждого из двух старых спряжений имеет место более дробное морфологическое членение, связанное с различиями в соотношении двух главных основ, с особенностями дополнительных вариантов основ и с различиями акцентных типов.

Прения по докладу подтвердили правильность теоретических посылок Ю. С. Маслова. Все единодушно признали, что он верно понимает суть исторического подхода к глагольным формам, и согласились с выдвинутым им принципом морфологического членения.

И. К. Бунина

НЕИЗДАННАЯ КНИГА АКАД. Ф. Ф. ФОРТУНАТОВА

Институт языкознания АН СССР подготавливает издание избранных трудов акад. Ф. Ф. Фортунатова. При просмотре в связи с этим его неопубликованного рукописного наследия, хранящегося в Архиве Академии наук в Ленинграде (фонд 90), нами была обнаружена рукопись, не отмеченная в печатном описании архива акад. Ф. Фортунатова, составленном в 1926 г. С. Ереминым¹. В весьма тщательной архивной описи, составленной в 1940 г. покойной С. А. Шахматовой-Коплан, дочерью акад. А. А. Шахматова, рукопись эта значится под № 21—23 (опись 1), с указанием общего заглавия книги: «Об ударении и долготе в балтийских языках».

Рукопись — чистовая, писалась в разное время, вполне подготовлена к печати и состоит из трех частей. Первая часть (79 листов с оборотом, тетрадного формата) имеет заглавие: «I. Ударение в прусском языке». Она была напечатана в виде отдель-

¹ См. С. Е р е м и н, Архив акад. Ф. Ф. Фортунатова, «Известия по русскому языку и словесности [АН СССР]», Л., 1928, т. 1, кн. 1, стр. 245—249.

ной статьи на русском и вслед за тем на немецком языках². Вторая и третья части остались не напечатанными. Вторая часть (49 листов с оборотом, тетрадного формата) озаглавлена: «II. Долгота в латышском языке». К этой части имеются два черновика с дополнительным материалом (60 листов с оборотом, того же формата). Третья часть (30 листов с оборотом, писчего формата) не имеет заглавия и состоит из раздела III и IV и заключения. Разделы III—IV посвящены литовской акцентологии. Заключение (листы 27 и сл.) не совсем закончено; оно обрывается словами: *Мне представля...* Повидимому, несколько последних страниц рукописи утеряно.

Выводы разделов III—IV были кратко изложены самим Ф. Ф. Фортунатовым в «Отчете о деятельности Отделения русского языка и словесности Академии наук за 1911 год» (СПб.; 1911; стр. 7—11). Сообщение это начинается словами: «Академик Ф. Ф. Фортунатов приготавливал к печати статью: „К истории литовского ударения“...». Далее следует изложение основных положений данной работы.

В некрологе акад. Ф. Ф. Фортунатова, читанном в заседании общего собрания [АН] 4 октября 1914 г. акад. А. А. Шахматовым, уделено особое внимание трудам Ф. Ф. Фортунатова по вопросам балтийской акцентологии. В нем сказано: «Особенно значительны открытия Фортунатова в сложной и темной области ударения и просодии индоевропейских языков. Балтийские языки, с одной стороны, славянские, с другой,— представляют, сравнительно со всеми остальными языками индоевропейской семьи, наиболее ценные указания на количественные и акцентные отношения в индоевропейском праязыке. Сопоставления названных языков привели Фортунатова к замечательному открытию, сделанному почти одновременно с ним французским лингвистом де Соссюром, о том, что в индоевропейском праязыке существовало два вида долготы в гласных и дифтонгических сочетаниях; указание на оба вида долготы извлекается и из некоторых явлений греческого ударения, а также из ведийской фонетики. Теперь учение Фортунатова и де Соссюра кладется в основание всех последующих работ современных лингвистов; но приходится глубоко пожалеть, что Фортунатов не изложил своего учения во всей полноте; это устранило бы ряд ошибок и колебаний, которые обнаруживаются в указанных работах.

В 1911 году Фортунатов работал над обширной статьей, посвященной литовскому ударению; вероятно, в ней он предполагал широко развить те выводы, к которым пришел, пересматривая свои основные положения. Но и эта статья не увидела свет; впрочем, несколько страниц из нее помещены в «Отчете Отделения русского языка и словесности за 1911 год»³.

Очевидно, А. А. Шахматов не знал, что в рукописном наследии его учителя осталась вполне законченная работа по балтийской акцентологии, в которой Ф. Ф. Фортунатов изложил свое учение по данному вопросу «во всей полноте». Скорейшее издание указанной книги, содержание которой связано с центральной темой исследовательских работ этого крупнейшего русского языковеда, представит значительный научный интерес как для работающих в области сравнительно-исторического языковедения, так и для специалистов по истории балтийских языков (литовского и латышского).

В. М. Жирмунский

² См. Ф. Фортунатов. Об ударении и долготе в балтийских языках. I. Ударение в прусском языке, «Русский филологический вестник», Варшава, 1895, т. XXXIII, № 1—2, стр. 252—297; то же, нем. перевод Ф. Сольмсена, в журн. «Bezenberger's Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen», Геттинген, 1897, В. XXII, 3—4, стр. 153—188.

³ См. Филипп Федорович Фортунатов. Некролог, «Известия АН», 1914, № 14, стр. 972.